

чительный интерес для специалистов, но они должны быть подробнее рассмотрены не в данном кратком обзоре «Очерка», в котором толкования автора излагаются, естественно, почти без аргументации, а в рецензиях на его научные исследования о «Слове».

Наряду с большими достоинствами «Очерку» присущи и отдельные недостатки.

Справедливо оценивая большое общественное значение уже для своего времени такого произведения, как «Слово», автор, как нам кажется, преувеличивает возможности его воздействия на современников. Можно согласиться с тем, что «задачей «Слова» было не только военное, но и идейное сплочение всех лучших русских людей для борьбы за единство Русской земли». Однако никак нельзя предполагать, чтобы эта задача «могла охватить своим мобилизующим влиянием по крайней мере целые полстолетия — вплоть до татаро-монгольского нашествия» (стр. 111—112). О «мобилизующем влиянии» на общество, да еще в течение целого полувека, идей какого бы то ни было светского литературного произведения, в том числе и «Слова», в условиях средневековья говорить не приходится. По существу ведь только в наши дни «Слово о полку Игореве», многократно изданное большими тиражами и изучаемое в школах, стало известным народу и, действительно, приобрело важное значение в деле патристического воспитания молодежи.

Правильно рассматривая «Слово» в целом как произведение демократическое по духу, возвысившееся над феодальным мировоззрением эпохи, автор стремится найти конкретные картины народного труда в самом содержании памятника. Он усматривает «образы ремесленного труда» в таких поэтических выражениях: «тѣй бо Олегъ менемъ крамолу коваше», «а князи сами на себе крамолу коваху» и т. п.³ Но ведь за исключением упоминания о том, что в результате княжеских крамол «по Руской земли ретко ратаеве кикахуть», в «Слове» нет описаний народного труда. А фольклорные сопоставления битвы с посевом, жатвой или молотьбой и т. п. являются все-таки образами битвы, противопоставляемой поэтической мирному труду народа, как справедливо отмечает Д. С. Лихачев, но не образами «мирного труда», будто бы «производящими все «Слово» в целом» (стр. 140).

В «Слове» упоминается один раз «сын Всеволожь Владимиръ» (Мономах) и дважды — Владимир «старый». Большая часть ученых считали, что в обоих случаях речь идет о Мономахе, другие, однако, видели в «старом» Владимире — Владимире I Святославиче. В последнее время эта вторая точка зрения развивается А. В. Соловьевым⁴ и Д. С. Лихачевым (стр. 73, 98, 123, 126). Не возражая против нее по существу, отметим только противоречивое изложение в «Очерке» одного и того же места «Слова» с упоминанием Владимира «старого»: «Того старого Владимира (Святославича) нельзя было производить к горам киевским» (стр. 98, 126)), но — «Владимира Мономаха нельзя было производить к горам Киевским...» (стр. 121).

Увлечась описанием значительных по своему месту в стиле «Слова» разговорно-речевых и фольклорных «стихий», автор недооценивает, как нам кажется, собственно литературной стороны этого замечательного литературного произведения. Он справедливо признает, что «Слово» — «произведение письменное, а не устное» (стр. 143), но ограничивается далее краткой характеристикой книжных оборотов стиля памятника. Д. С. Лихачев полагает, что автор «Слова» отбрасывает искусственные элементы книжной речи и пишет так, как говорит. Перед нами «не следование традициям книжности, а отход от этих традиций» (стр. 144). Вопрос о литературной природе «Слова» кажется нам значительно более сложным.

Исследователи постоянно подбирали многочисленные параллели к образам «Слова» и из древней книжности, и из фольклора, и из «устной речи». Большой интерес представляет в этом плане новое исследование Д. С. Лихачева об устных истоках поэтической системы «Слова»⁵. Однако подыскать на этом пути какую-либо общую стилистическую «мерку» для определения поэтики такого своеобразного литературного памятника, как «Слово», естественно, не удавалось. Объяснение стиля «Слова» органическим «сочетанием» или «слиянием» элементов разных письменных и устных традиций, их творческой «переработкой» или «переосмыслением» его автором, конечно, многое раскрыло уже в «Слове», но все же не дало, по нашему мнению, ясного представления о поэтике памятника в целом. В частности, метафорически-символический стиль «Слова», как хорошо показал это Д. С. Лихачев, многое воспринял и от военно-феодальной терминологии, и от народной поэзии. Однако по самой своей поэтической структуре стиль «Слова» никак не может быть сведен к этим стилистическим традициям, имеющим свои совершенно отличные от поэтики «Слова» характерные признаки. Для того чтобы убедиться в этом, достаточно вспомнить такие общеизвестные образы «Слова», как, например, «крычать телеги полунощны, рци, лебеди рослушнены». Или знаменитое описание игры Бояна: «Боянъ бо вещей, аще кому хотяше песнь творити, то растекашется мыслию по древу... Тогда пушашеть 10 соколовъ на стадо лебедей: который дотечаше, на преди песнь пояще... Боянъ же, бра-

³ Ср. Н. К. Гудзий, Юбилейное издание «Слова о полку Игореве», «Советская книга», № 12, 1950, стр. 101.

⁴ А. В. Соловьев, Политический кругозор автора «Слова о полку Игореве», «Исторические записки», Изд-во АН СССР, № 25, 1948, стр. 73—75.

⁵ См. указанный сборник статей «Слово о полку Игореве», стр. 53—92.